

16+

ЖЕНЩИНА И ВОЙНА

Наталия Дьяченко

Наталия Дьяченко
Женщина и война

«Автор»

2018

Дьяченко Н. М.

Женщина и война / Н. М. Дьяченко — «Автор», 2018

Рассказы данного сборника объединены под общим названием «Женщина и война». Эти, в большей степени реальные истории, отражают быт юга России, казачества, и посвящены обычным женщинам, женщинам XX века, в судьбы которых вмешалась Война. В них представлены образы, навеянные тревожной атмосферой, которая царила на Северном Кавказе в 90-е, в период Чеченской войны, образы гражданской войны и послевоенных лет.

© Дьяченко Н. М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Женщина и война	8
Нина	11
Баба Даша	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наталья Дьяченко

Женщина и война

ЖЕНЩИНА И ВОЙНА

О себе

Я, Дьяченко Наталья Михайловна, родилась летом 1944 года на Украине, в оккупированном на тот момент селе Лазоватка Днепропетровской области.

Мой отец, Юдин Михаил Александрович, родившийся в 1914 г. в Москве, был рядовым советской армии, он раненым бежал из плена. Мать, Каюн Марфа Лазаревна (1917 г.р.) прятала его около года от немцев на оккупированной территории. Когда приблизилась линия фронта, отец благополучно перешел линию фронта и сразу же попал в штрафной батальон. Погиб в декабре 1943 года.

Через полгода родилась я. Отец успел сообщить в одном единственном письме отцу и матери о возможности появления ребенка и просил своих родителей помочь его вырастить. После войны, по просьбе бабушки и дедушки мама привезла меня в возрасте двух лет на один год к ним на Кавказ, а потом откликнулась на их просьбу, пожалела одинокую старость, и

оставила меня им, мой отец был их единственным сыном. У мамы были еще старшие дети, а в то время Украина страдала от сильного голода, и она боялась, что не сохранит меня.

Я благодарна светлой памяти моих бабушки и дедушки за то, что они воспитали меня в уважении и любви к моей матери, которая пошла им на встречу и всегда с большим уважением отзывалась о ней.

Ну а дальше школа в городе Минеральные Воды Ставропольского края. Я была активисткой, пионеркой, комсомолкой. Окончив школу, я не могла уехать из нашего маленького городка учиться дальше. К тому времени дедушка и бабушка были глубокими стариками и не могли обходиться без меня. Заочно поступила на исторический факультет Ростовского государственного университета, но была вынуждена прервать учебу на третьем курсе. Сначала смертельно заболела бабушка, умирал дедушка, и я не могла уезжать на сессии.

В 1966 году я вышла замуж, а в следующем году родилась моя первая дочь. Позднее я закончила Роковские курсы медсестер и с 1971 года работала массажистом в районной больнице.

В 2002 году в связи с беспокойной обстановкой на Северном Кавказе, в след за младшим сыном, мы с мужем переехали в Ленинградскую область, где я и живу по сегодняшний день. У меня трое детей, четверо внуков и трое правнуков.

Рассказы, представленные в данном сборнике, объединенные под общим названием «Женщина и война». Это реальные истории моих знакомых и близких людей, они отражают быт юга России, время, в котором я жила, и посвящены женщинам, в судьбы которых вмешалась война, женщинам XX века.

Фото обложки: Алиса Гулканян.

Женщина и война

Вокзал маленького городка. Городок маленький, а здание вокзала большое. Узловая станция.

Тёмный, узкий, продуваемый зимним сквозняком переходной тоннель. Маленькая фигурка женщины-горянки с красивым, очень дорогим аккордеоном. И музыка...

На улице гололёд, стылый ветер, военные составы на Чечню. А в тёмном, мрачном тоннеле звучит Штраус, Моцарт, Чайковский. Кажется, что звуки, выбегающие из-под тонких, изящных пальцев заполняют все уголки, отталкиваются от грязных, запыленных стен и сверкающими каплями падают в души проходящих мимо уставших и угрюмых людей.

Маленькая женщина сидит на двух наполненных чем-то мягким крапивянных мешках, сложенных друг на друга. На глазах у нее тёмные очки, то ли чтобы скрыть слёзы отчаяния, а скорей всего стыд и боль, что она, преподаватель музыки, с отличием окончившая консерваторию, играет за подаяние, чтобы накормить детей.

Играет аккордеон...

И слышат люди до боли знакомую и давно забытую «я люблю тебя жизнь, что само по себе и не ново»... И трепет охватывает идущего мимо, приободривается походка, и взгляд встречает маленькую горянку в тёмных очках и картонный ящичек для подаяний. И почти каждый нащупывает в кармане скудный кошелек и кидает обесцененные сотни, а кто и пятисотку. И у каждого в душе жалость к детям, которые жмутся рядом, и благодарность за музыку.

Идёт поток людей. Кто-то спешит с работы, кто-то на поезд, а кто-то с поезда. У каждого своя судьба, у каждого свои заботы и все объединены горем, войной внутри своей страны. Война рядом. В трёх часах езды.

А аккордеон уже поёт про Волгу, которая течёт издалека, про смуглянку, которая собирает виноград, уносит в вальсе на берега Амура и напоминает про дунайскую волну.

Холодно. Темно. Уныло. Поздно.

Поток людей иссяк. В тоннель спустились милиционеры, омовцы – охранять, чтобы ночью его не взорвали. Устало пискнул аккордеон, отрешённо замерла женщина.

– Мама, я замерз.

– Сейчас, Джохар, сейчас, мой маленький.

Она сняла очки, в нерешительности замерла перед ящичком. Первое подаяние! Складывать деньги не было никаких сил, она их просто пересыпала в сумку. Уложила в чехол аккордеон, взяла его в руку, сумку на плечо, лёгкие мешки отдала детям. И они пошли наверх.

Перрон продувал холодный ветер. Темно, только в одном месте горел фонарь, и оттуда неслось призывное: «Пирожки! Горячие пирожки! Горячие домашние пирожки!»

– Мама, я кушать хочу!

– Сейчас, сынок, сейчас мы все покушаем.

Дочь молча шла рядом.

Пирожки действительно были горячие, вкусно пахли, хотелось есть.

– Что же вы тут на ветру расположились? Пройдемте в вокзал.

Это был милиционер.

Они взяли свои немудреные пожитки. Милиционер протянул руку, чтобы взять тяжёлый аккордеон, но она сделала инстинктивное движение к себе. Страшно было последнюю надежду на кусок хлеба доверить в чьи-то руки. Милиционер не настаивал.

– У вас хоть документы есть?

– Да, я взяла.

И чуть помолчав, добавила:

– Мы из Чечни...

– Видно по вам, что вы оттуда.

Пауза. Милиционер:

– Вот что, пройдёте в комнату матери и ребенка. Может, там будет место. А утром в миграционную службу обратитесь.

Дети уснули моментально. Уставшие, промёрзшие, не совсем сытые, они спали глубоким, тяжёлым сном. А мать, примостившись рядом, от пережитого, от усталости, тревоги не могла сомкнуть глаз. Сначала думала с благодарностью о милиционере, который привёл их сюда и её дети спали в тепле в отличие от предыдущей ночи. Перед глазами вставал родной город, разорённый, в сполохах пожаров. Свист падающих снарядов, крики, грохот, дым, сажа, пыль... Такой длинный день закончился!

А прошлую ночь она с детьми ночевала в холодном подвале. До мельчайших подробностей вспомнился ей этот подвал, наполненный людьми. Было темно, сыро, холодно и душно. Когда Аминат в панике спускалась туда, чтобы сохранить детей, ей казалось, что этот кошмар вот-вот кончится. Что это страшная ошибка – страна бомбит свой город, где живут ещё советские люди. Мы же все советские!

Уже нет! Уже проведена роковая черта.

Расул! Что же ты наделал! Зачем ты выступал на митинге в защиту русских. Толпа не поняла, а те, кому ты мешал, быстро тебя нашли. Удар чеченского кинжала всегда точен.

О Аллах! Только ты знаешь, как я смогла пережить его смерть!

Расул! Как мне теперь одной спасти наших детей? Расул! Расул! Расул!

Короткие передышки между бомбовыми ударами уже три дня почти не давали выбраться из подвала. Но некоторые выходили. Кто-то что-то приносил из брошенной квартиры, некоторые возвращались с воплями и стенаниями. Их дом разрушен!

Аминат тоже в очередное затишье пошла посмотреть квартиру и принести что-нибудь поесть детям.

– Ира, – обратилась Аминат к соседке, – присмотри за детьми, я схожу посмотреть квартиру.

– Аминат, и мою посмотри.

И протянула ключи. Как буднично незаметны они были когда был мир и как дороги они сейчас, когда в любую минуту могут рухнуть стены и они станут не нужны.

Квартира была цела, но взрывной волной выбило стёкла на кухне. Сквозняк, пахло гарью, кругом пыль. Аминат опустилась на табуретку. Чем же закрыть окно? Чем закрыть? Батареи холодные. Бежать отсюда! Я не спасу детей! О Аллах! Они же заболеют, умрут! Куда бежать? Родных нет. Родные Расула в горах, не добраться с детьми... Кругом русские солдаты и чеченские боевики – они называют себя «воины Аллаха»... А разве Аллаху нужны страдания людей? В Россию, к русским... Они же нас бомбят! Они разрушили такой прекрасный Грозный. А чечены? А Расула моего кто убил? О Аллах! Помоги мне! Помоги мне спасти детей! Но ведь не русские начали войну... Проклятый Дудаев! Проклятые его боевики! Ведь сколько русских жило рядом с нами! Как хорошо было, когда мы с Расулом ездили в отпуск в Москву, в Киев. А когда я ездила в Москву на конкурсы сама, возила своих учеников. В Россию! Там нет войны! Там не бомбят! А где же мы будем жить? А чем кормить детей? У меня же нет денег...

И снова решительность сменяет страх. И снова неумелые мольбы, обращённые к Аллаху.

Нужно взять документы. Сосредоточилась. Просмотрела, чтобы не забыть необходимое. Открыла шифоньер. Осмотрела детские вещи. Что нужно?

Сумка наполнилась вещами, а необходимого было ещё много. Ведь зима! Да и как сложится – неизвестно. Взгляд упал на мешок сахара, притаившийся в уголке. Его ещё Расул привез. Он уже не нужен. Быстро распоров мешок, Аминат высыпала сахар прямо на пол. Стряхнула мешок и стала заталкивать в него вещи. Решимость вдруг оставила её.

– Что я наделала, – навзрыд заголосила она, – сахар же нужен детям!

Горько рыдая, с причитаниями, она стала собирать сахар в таз. И вдруг руки сами опустились, она перестала рыдать, и только горькие слёзы текли, догоняя одна другую. Было тихо. Аминат услышала тикание часов, подняла глаза. Без четверти четыре. Что же делать? Куда ехать? Поеду в Моздок, оттуда сяду на электричку до Минеральных Вод. Это уже Россия. А деньги? На вокзале продам аккордеон. Он очень дорогой. Продам дешевле. У меня купят. Хватит денег уехать дальше.

Сумка на плече, два мешка с вещами и дорогой аккордеон. С этим она и пришла в подвал.

– Ира, – едва слышным шёпотом Аминат окликнула соседку, – Ира, мы сейчас уйдём.

– Куда?

– Мы поедem далеко, где нет войны.

– Ты куда? – переспросила Ира, очнувшись от тяжёлого забытья.

– Ира, я уеду в Россию.

– Ты что, Аминат, у вас же у всех нет денег.

– Я продам аккордеон. Я... я... я здесь не останусь.

На них сердито шикнули.

– А бомбёжки?

– Сейчас тихо. Думаю, до рассвета успею уйти.

Аминат стала тихонько будить детей, скорчившихся в неестественных позах. У дочери из-под платка выбилась давно нечёсаная коса, головка Джохара запрокинута, он слегка всхрапывал. Фатима тут же подхватила, Джохар стал сердито отбиваться.

– Тихо, сынок, тихо, разбудишь всех...

Сумка на плече, тяжёлый аккордеон, у детей по мешку в руках. Со слезами на глазах, неумелой рукой Ира перекрестила их и прошептала православное «Храни вас Господи». Дети ёжились от холода. Джохар капризничал и не хотел нести мешок. Аккордеон и сумка были тяжёлые. Но Аминат шла, уговаривая, подбадривая и подгоняя детей, чтобы успеть в Моздок на электричку до Минеральных Вод.

И они успели.

Нина

Измученная Гражданской войной, голодом, коллективизацией уральская деревня неподалёку от той, где жил пионер-герой Павлик Морозов.

Семья – муж, жена и пятеро детей. Мужа в 1937 году посадили. На колхозной конюшне, где он работал конюхом, сдохла лошадь. Его объявили врагом народа и сослали на 25 лет без права переписки. И осталась жена не вдова и не мужняя жена с пятью детьми горе мыкать. А самой-то и тридцати нет.

Сорок первый год подкатился. Сенокос. Хорошая пора для деревни. Пошутить можно, парни за девками ухлестнут. Мужики с бабами побаловать – где языком полясничать, где и рукам волю дать. В такую-то пору с парнем на одиннадцать лет её моложе и слюбилась ни вдова ни мужняя жена. Завилась жизнь верёвочкой, да так, что быстро в удавку превратилась.

Зашушукалась вся деревня. Старухи в открытую укоряли. Естественно, забеременела. А тут война. Полюбовник с ней живет, дочку ласкает, милует. Чуть Ниночка стала на ножки вставать, а его на фронт забрали.

Голодная, убогая жизнь колхоза военных лет. Мать вынуждена была оставить девочку его родителям. Те, конечно, не в восторге от связи сына, да ещё и лишний рот. Но оставляют Нину у себя. Матери этот рождённый вне брака ребёнок. В грехе родила, да ещё и отдала.

Сначала стеснялась содеянного, старалась лишний раз незаметной мимо проскочить, то чувство вины возобладает, старается задобрить девочку, в глаза заискивающе заглядывает, а потом раздражение стала вызывать эта дочь у матери. Всё время немим укором была.

В отцовской семье тычки да попреки: «Скажи спасибо, что отец тебя признал. Она-то родила, да как щенка выкинула». Идёт дитяtko к матери за лаской, за добром – и там его нет. В редкие её визиты виноватая мать подсовывает её сметанку (которую ставили в просвят день на стол), пирожочек, кое-когда конфетку. А это злит не больно сытых старших братьев и сестёр, а заодно и бабу с дедом. Родители матери живут теперь с ней. И анафема, и плевки ей вслед: «Навязалась на голову нашей дочери, нечистая сила!» И тычки да затрещины от братьев и сестёр. Чтoб не приходила и их не объедала.

Кончилась война. Муж служил восемь лет. Вернулся домой. И Нине восемь. Мать, отец, сестра с радостью встретили. Праздник в доме. Только угрюмая, насторожённая девочка дичилась его. Тут же полетели упрёки: «Такая же, как мать».

Естественно, ни мать Нины, ни сама Нина его не интересовали. Женихов было мало, невест много. Выбирай – не хочу. Осмотрелся отец и выбрал. Взял из хорошей семьи, труженицу, заботливую мать со временем своим двум дочерям. Красивую и голосистую Надежду, на двенадцать лет младше его. И стали они жить хорошей, примерной семьёй. Трудиться, растить своих дочерей. Да и любил он Надежду крепко.

А мать Нины тем временем старела и лютовала. Всю свою злость, ревность, ненависть изливала на Нину. Стала о ней слухи неприличные распускать, козни ей строить, сплетнями опутывать.

И так жизнь Нины подкатилась к шестнадцати годам. Замуж вышла, дитя родила. Муж веселый, певун, разудалый молодец. А Нина выросла робкой, угрюмой, замкнутой. Кто его знает, что он в ней приглядел и что не разглядел. И казалось – счастье волшебной птицей опустилось на судьбу Нины. Ан не тут-то было. Мать стала приваживать его к своей старшей дочери, брошенной мужем, нахваливая ту и хая «Нинку». Да так и положила его в постель старшей дочери любовником. Сам бы может быть и не додумался лечь в постель жёниной сестры.

Ох, и разъярилась Нинка, ох и взбеленилась её женская гордость, замешанная на обиде на судьбу! Да толку-то! Избил раза два, рассказал в скандале с матом, какая она дура и как хороша в постели её сестра. И пригрозил выгнать, а детей забрать.

Нарыдавшись в очередной раз, собрала Нина немудрёные вещички свои и детей, забрала все, какие были, деньги, села с детьми в автобус и уехала на станцию. «Первый какой будет поезд, тем и поеду! Всё равно меня никто нигде не ждёт! Не к кому мне головушку приклонить!» Поезд подошел Новокузнецк-Кисловодск. И понесла судьба Нину на Кавказ. Сын тогда в третий класс пошёл, а девочке был годик.

Горилась, журилась, да приживалась. Детишек растить надо! Кому же они нужны? Да и самой ещё тридцати нет. Жить надо!

Поселилась в совхозе с названием «Кавказ». Каморочку получила. Послали учиться на курсы бухгалтеров. Соседка бабуля детишек приглядывала. Сын Толик из школы к ней, и Светочку из садика заберёт пока Нина с курсов из города приедет.

Боялась Нина учиться. Помнила побои и трёпки за плохие оценки от деда. После побоев ещё больше тупела от страха. А тут и учёба пошла. Работать стала бухгалтером. Хвалили за исполнительность, аккуратность, за толково сделанные отчёты.

Толик уже в старших классах, Светочка в школу ходит, учится отлично на радость маме. Так бы и жить ей, да ведь сама ещё молодая. Встретился ей в автобусе Иван. Сначала затеял шуточный разговор. Нина встретила его настороженно. Потом стал ухаживать. На работу придёт, к деткам ластится с гостинцами. Нина не доверяла, с холодком принимала. А душа рвалась к ласке. И поверила. Бурные ночи, ласки до рассвета!

Долго уговаривал замуж за него выйти. Горы золотые сулил, обещал и её, и детей век любить. Немудрёными подарками заваливал.

Нина! Нина! Ниночка! Оставить бы тебе его в любовниках и жить своей жизнью. Да захотелось надёжной опоры. Захотелось в счастье поверить. И пошла за ним. Замуж вышла, в город уехали, забеременела. Так уж радовался, перстень подарил.

Обрушились быстро его горы золотые. Восемь месяцев была беременна его сыном, как надоела ему. Стал её гнать, пинать от себя как кошку. По бабам пошёл шляться, дома не ночевал. Да так и бросил её на произвол судьбы.

Работала. На работе ценили. Сначала по квартирам ходила, потом дали ей квартирку в старом фонде. О сыне Иван и не вспоминает, сама растит.

Толику уже 28 лет. Женился. Взял женщину с ребенком и своих две дочки. Попивает, поскандаливает, но семью обеспечивает и не гуляет.

Светочке восемнадцать. Замуж пошла за сидевшего в тюрьме парня. Матери объяснила, что трудно ему. У него, как у тебя, матери нет, а мачеха его не любит. Сжалось сердце Нины, своё сиротство помнит, и стала сама себя уговаривать: «Обездоленный такой же, как я, в беду попал. Буду ему матерью. Ласку, заботу ему дам. Деточек ихних буду лелеять. Оценит, поймёт, любовью к моей дочери оплатит». Увы! Дочь бита. Скандалы, дебоши, попреки. А внук у бабушки с её подростком Максимом растёт.

И мечтает Нина по объявлению замуж выйти, за какого-нибудь старичка. Чтобы тихо говорил, не ругался и не пил.

– Я бы за ним ухаживала и ему бы помогала жить.

Баба Даша

Казачий хуторок, в котором прожила жизнь баба Даша, притулился бочком к косогору. Хорошо ему было там. Косогор, бывало, и от ветра защитит, и от солнца палючего заслонит. А какой родниковой водой поил он хуторян! Маленький хуторок, неприметненький. И Гражданская его обошла, да и в Отечественную немцы раза два зашли, кур половили, да с тем и уехали.

Давно, давно родилась баба Даша. Незаметно как постарела, поседела, усохла, согнулась, и только глаза лучатся голубым, живым светом. Правнуки уже народились, а суховой так же треплет ковыль траву на косогоре, как и тогда, когда баба Даша вышла замуж за Стефана и поселилась на хуторе.

Вечерело. Отец с братьями только что привезли арбой кукурузные стебли с поля. Коровы да быки любят уже посохшие листья кукурузы, да и сено на зиму экономится. Надо было их расставить вокруг базка (базок – сарай для скотины и огороженный ивняком или плетнём дворик при нём), а то лёжа быстро попрелят, а прельё скотина есть не будет. Даша уже заневестилась. И снохи, таская стебли и расставляя их, меж делом подшучивали:

– О! Скоро сватов будем принимать!

Даша смущалась, краснела и старалась шибче работать.

Любила Даша работать и работа её любила. За что ни возьмётся, всё у неё ладно, всё по разуму.

Наработается днём Даша, а вечером умоется, принарядится и на вечеринку. А уж одеться умела дивчина, душа лежала у неё к нарядной одежде. Да и отец с братьями баловали: то отрез на юбку, а то на кофту, шаль, монисты, ленты. На посиделки недавно стала ходить, с разрешения отца. Певунья была Даша. Уж как распевно казачьи песни пела. На язык остра. Как отбреет, так уж отбреет какого-либо ретивого ухажёра. Бывали хлопцы и дивчины с соседних хуторов, да и они похаживали в соседние хутора. Гармонист хороший, да и с Дашей петь одно удовольствие. А уже в ту пору могли петь казачьи песни. Были песни распевные, были и жалостливые, и задорные. Как казакам без песни?

Этим летом появился с соседнего хутора казак Стефан, только что пришедший со службы. Красивый! Кудри чёрные как смоль, глаза карие. А усы! Загомонились девки. Какая громко говорит, какая хохочет громче всех, а какая посмелей – зазывает рядом посидеть. Суров с виду Стефан, не улыбочив. Песни не поёт, с девками не шалит, сидит молча и наблюдает. Раза два Даша ловила на себе его внимательный быстролётный взор. Тут же на посиделках Даша узнала, что Стефан байстрюк. Может, люди врут, а может правду говорят. Байстрюк – незаконнорожденный без отца. Мать его овдовела, когда хуторяне заметили её беременность. Может, погиб казак, отец Стефана, да не знал, что после него семя его останется. А злые языки прилепили ярлык, пустили подленький слушок. Уж больно добропорядочной была тётка Ульяна. Помогали ей с хозяйством управляться братья, да крёстный Стефана, друг покойного мужа. Сынок рано за всё брался. Крёстный сбрую чинит, и он рядом. Дядька плуг, борону на зиму ставит, и Стефан тут. На пашне рядом, с косой рядом. Сам стал скотину управлять, а в двенадцать лет сам взялся хату тыном городить, прежний совсем развалился. Дядька да крёстный пришли подмогнуть. На службу настоящим казаком пошёл: на коне и при шашке.

Вот и отслужил срок службы, вернулся до хаты.

Даша уже умылась. Снохи собирали вечерять. Братья, умытые, сидели за столом, тихо переговариваясь в ожидании ужина и заслуженной чарки. Хорошо поработали! День был хороший. С поля сегодня всё вывезли до последней былиночки. Если погода постоит, то и вспашут до Покрова. Отец на базу проверял работу сынов и снох да ворчал по-стариковски: «Вот,

тыквы близко к краю положили, ещё укатятся». Кряхтя подтащил лестницу к курятнику, полез на крышу тыквы поправлять. Потом проверил, как стоит кукуруза, не повалит ли ветром.

– Здоров дневали, сосед! – окликнул его Прошка с соседнего двора.

– Здоров, здоров!

– Как управились?

– Да вроде бы...

В это время подошли ко двору казачка Катя, все знали её как сваху, кум с нею, да люди с соседнего хутора. Взгляд старика сразу заметил красавца Стефана. Ёкнуло сердце старика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.